

МЕМЕТИКО-РЕГУЛЯТИВНЫЕ СМЫСЛЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЕМЕТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.А. РОМАНОВ, Л.А. РОМАНОВА

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

В статье рассматриваются меметико-регулятивные смыслы в информационном пространстве меметической коммуникации. Авторы приходят к выводу, что в регулятивно-миметических процессах эффективного распространения «каузативно-репликативных идей» устанавливается связь между коммуникативным миром и другим миром, смоделированным при помощи медийных практик миром-подобием.

Ключевые слова: меметическая коммуникация, информационное пространство, меметичность, медиaprостранство

MEMETIC-REGULATIVE MEANINGS IN INFORMATIONAL SPACE OF MEMETIC COMMUNICATION

A.A.ROMANOV, L.A. ROMANOVA

The article deals with memetic-regulative meanings in informational space of memetic communication. The authors conclude that in regulative-mimetic processes of effectively disseminate of "causative-replicative ideas" establish the connection between communicative world and the other world, modeled with media practices world-likeness.

Keywords: memetic communication, informational space, memetic, media space

Принявший истину на веру – Ею слепнет.
Максимилиан Волошин

В самом широком смысле *меметичность* можно понимать как некое целевое многократное (многократно повторяющееся целевое) наложение усвоенных условий жизнедеятельности в социуме доксального (обыденного) знания в виде шаблонов, стереотипов, повторяющихся ситуаций на дискурсивную (информативно-коммуникативную, сконструированную посредством различных медиа-носителей) реальность как реальность иного порядка с отсечением (отбрасыванием и выводом из поля внимания, фокуса) для адресата всех нюансов референциального пространства, чтобы с опорой на типовую схему этой ситуации сохранить в ней как основные, так и привнесенные в неё самовоспроизводящиеся и самораспространяющиеся смыслы и способствовать их репродуцированию в медийном пространстве.

Особую актуальность и новую трактовку идея меметичности приобрела в исследованиях проблем конструирования посредством СМИ «дискурсивной реальности», «коммуникативной реальности как реальности другого – второго – порядка» [7; 8; 11; 12; 14; 15; 16; 19] и распространения на этой основе эффективной коммуникации в современной медийной сфере, участвующей в формировании глобального информационно-сетевого общества, в котором главным средством информационного воздействия на массовое и индивидуальное сознание, способным порождать социальные катаклизмы и преобразования на почве межнациональных, религиозных, экономических противоречий и кон-

фликтов, становится система электронных СМИ: Интернет, IP-телефония, телевидение, электронные печатные издания и т.д.

Бурное развитие в области электронных коммуникаций, в частности, Интернет и другие варианты сетевых коммуникаций с использованием цифровых медиа и современных IT-технологий открыло путь глобальному присутствию и культивированию в медиапространстве определенных нетрадиционных ценностей и разнонаправленных – а порой даже и контрарных в культурно-историческом плане – поведенческих норм, что позволяет через увеличение информационных потоков разнообразных СМИ усиливать возможности возмущающей коммуникации и обеспечивать её возрастающие мощности в сфере формирования и контроля общественного мнения, а также разрушительного манипулирования культурным наследием и моральными ценностями, нравственными устоями, личностными установками и исторически сложившимися отношениями между гражданами, регионами, странами.

О значимости, важности и предельной осторожности использования различных областей национального и культурно-исторического наследия в манипулятивно - коммуникативных процессах пророчески высказалась Куба на всемирной конференции ЮНЕСКО в Гаване в 1998 году, предложившая в своём заявлении считать культуру «оружием XXI столетия» [1, с. 6]. Особую важность проблема использования в XXI в. культуры в качестве оружия приобретает в связи с развитием вирусно-биологического (также: вирусно-психологического) механизма распространения идеи Р. Докинза о «самолюбиво- / эгоистичном гене» [22] под названием «мем», который реализует себя в соответствующей среде (в том числе и в информационно-коммуникативном пространстве) подобно вирусным репликаторам, т.е. как самопорождающее (саморазмножающее) и самораспространяющее себя явление.

Ричард Докинз отмечает, что использование термина «мем» имеет «важное значение в оценке культурной эволюции человека», а именно: культурная эволюция у людей через отбор имеющих приспособительную ценность идей (мемов) заменила биологическую эволюцию, идущую через отбор наследственных свойств. Поэтому, полагает Р. Докинз, результативное использование теоретического наследия мемов, дает основание считать, что:

а) человечество в своем развитии находится в настоящий момент вне фазы генетической эволюции,

б) сейчас человечество эволюционирует меметически,

в) если раньше для развития сознания через генетическую эволюцию требовались миллионы лет, то теперь через мемы этот процесс может занимать десятилетия или годы.

В работах, посвященных феномену мемов и науке о них – «меметике», в первую очередь отмечается, что

а) «мемы» являют собой *гены* когнитивистской, бихевиористской и интернетовской органики, и, уподобляясь генам, распространяют идеи подобно распространению генов,

б) «мемы» представляют собой сложные понятия, которые принимают характерный легкий для запоминания образ, материально проявляющийся средствами его распространения» (в трактовке Д. Деннетта),

в) «мемы» в своём реальном единичном проявлении (*меме*) не превращаются в действительность, а только функционально «служат машине, повторению» [2] и

г) «мемы» как идеи инфицируют своих носителей так, что эти идеи всегда продолжают распространяться далее и способны к самовоспроизводству [2; 3; 21; 22; 23].

Примерами «мемов» могут служить такие распространенные («имплантированные») и закреплённые в массовом сознании ментальные представления (ментальные конструкторы, идеи) как «абсолютная свобода», «абсолютная объективность СМИ», «всеобщие права человека», «свобода слова», «честные выборы», «полное гендерное равноправие», «всеобщая толерантность», «глобальная солидарность», «защита демократии», «европейский образ жизни», «право (монопольное) на применение любой силы», «принуждение к миру», «национальное превосходство», «цивилизационное сообщество», «общечеловеческие – европейские, американские – ценности», «Украина – это Европа», «США – оплот демократии в мире» и другие, им подобные [подробнее о курьёзах употребления ряда «вирусных / живущих идей», например, «всеобщая толерантность» и «полное гендерное равноправие» см.: [13; 18; 20]].

Каждый из приведенных (и им подобных) примеров есть, – в понимании представителей вирусно-биологического механизма распространения идей (Р. Докинз, Р. Броди, А. Менегетти), – *мем*, который представляет собой с точки зрения его функционирования в медийной инфосфере *информативное образование* (медийное послание), имеющее дополнительное предназначение – *целенаправленное программирование* [7; 8, с. 58-93; 14; 15; 11; 15]. Процесс программирования, как его описывают сторонники вирусно-биологического (также: вирусно-психологического) подхода, например, Р. Броди, А. Менегетти, Д. Деннетт, Г. Плоткин, может быть представлен в виде следующей цепочки следования этапов или секвенций: 1) логическо-историческое *Я* индивида, столкнувшись с идеей-мемом, перерабатывает полученную идею-мем, вытесняя ген; 2) мем налагается на ген и, 3) по своему образу и подобию, производит новый универсум, тем самым 4) устанавливая ДНК любого типа, где 5) новость вызывает реальность при условии, что 6) реальность не создает новость, *но* 7) новость учреждает общество; *и* в результате 8) мем определяет человека, что весьма быстро, малозатратно и экономно.

Примеры приведенных мемов-идей, «ментальных представлений, например, в виде фреймовых конфигураций, функционально-семантических представлений (ФСП) регулятивных конструкторов или действий» [4; 5; 6], показывают, что в своём медийно-коммуникативном распространении (функционировании, предназначении) мем:

а) социально обусловлен, ибо функция мема – социо-культурная трансмиссия (передача) опыта посредством подобия, повторения, чтобы превратить его в меметическую (подобную, но не реальную) модель,

б) представляет собой единицу социального научения в формате социального взаимодействия и в этом процессе

в) включает (несет) в себе шифр социального поведения для его участников, дающий ключ к пониманию социально-коммуникативного взаимодействия, т.е. мем несет в себе внутреннюю программную базу поведения [2; 7; 8; 11; 16; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30].

Очевидная широта объема понятий «мем», «меметика» и «меметичность» побуждает принять во внимание тот факт, что идея меметичности получила своё интенсивное распространение и новое прочтение, а сами понятия «мем» и «меметика» уже включены с 1988 г. в Oxford English Dictionary – словарь, задающий нормативные категории научной и информационной сферы, ср.: «Meme: an element of a culture that may be considered to be passed on by non-genetic means, esp. Imitation». Важно отметить, что сегодня данное определение мемов используется во многих публикациях из области эволюционной биологии, психологии, а также науки о познании, в числе которых можно назвать работы Генри Плоткина, Дугласа Хофштадтера и Даниела Деннета, занимающихся «исследованиями по подтверждению биологических, психологических и философских импликаций этой новой модели сознания и мысли» [21, с. 13-14].

Пример Д. Деннета о возе на колесах со спицами, который «служит не только для перевоза зерна или другого груза», но также и «для перевозки самой идеи колес со спицами от одного ума к другому», показывает, что

а) любое информативное послание (например, «воз на колесах со спицами») может выступать коммуникативным носителем идеи-мема,

б) меметичность (или мимезис) как некоторая (и даже в ряде случаев – определенная, итеративная) цикличность проявления ментальных конфигураций «жизненного мира» говорящего субъекта, в терминологии А. Шюца, порождает *меметически осмысленную модель действительности*, которая воспринимается индивидом как «привычный, нормальный, само собой разумеющийся мир», где проходит повседневная жизнь индивида,

в) порождённая таким коммуникативным путем (коммуникативным «миром») модель действительности является всего лишь своеобразным меметически осмысленным «коммуникативным тропом», созданным медийными естественно-языковыми практиками.

Помимо выделенного «биолого-вирусного» подхода к распространению и тиражированию медийных коммуникативно-информационных посланий-мемов существует также регулятивный («лингвистический») подход, в рамках которого с иных исходных позиций была выдвинута концепция формирования быстрого распространения и закрепления в сознании адресата информационных посланий, раскрывающих своё поведение в инфосфере подобно биологическим вирусам. Эта концепция получила название «модели регулятивного согласованного диалогического (дискурсивного) общения» или взаимодействия, в котором участники коммуникативной интеракции строят свои «миры взаимопониманий и взаимоотношений» на основе базового синергического понятия «регулятив» [5; 6, с. 19-20].

Регулятив или *регулятивное действие* в виде его единичного проявления рассматривается в данной модели как комплексная единица диалогорегулятивного взаимодействия, т.е. диалогоорганизующего, диалогоформирующего, диалогоконтролирующего, диалогонаправляющего, диалогопрогнозирующего и диалогопланирующего целевую связь и взаимосвязь коммуникативных действий всех участников диалогического обмена относительно друг друга. В этом смысле «*диалогический регулятив*» представляет собой содержащуюся в «психосфере», по В. Гумбольдту, говорящей личности единицу информации, которая, попадая в определенные условия коммуникативно-социального взаимодействия, оказывает влияние на ход сценарно-обусловленных событий в процессе реализации типовой формы или сценарного фрейма дискурсивной интеракции (воздействия), способствуя тем самым как возникновению своих «копий» в умах участников такой интеракции, так и генерированию всей системы регулятивных единиц системы-дискурса, находящихся в «архиве» ментального пространства («вместилища») каждой говорящей личности и используемых индивидами в диалогической коммуникации по типовому (фреймовому) сценарию [5; 6; 8; 9; 10].

Материальным проявлением *регулятива* в семиотическом пространстве диалогической – в широком смысле этого термина – коммуникации выступают средства его распространения как на уровне языковой системы (языковые единицы), так и за её пределами на уровне языкового сознания («языковой ментальности»). Поэтому «*регулятив*» как единица дискурсивной интеракции реализует себя в актах диалогической коммуникации комплексно: *на поверхностном уровне* эта единица репрезентирует себя в виде определенных (иногда готовых, шаблонных, стереотипных) языковых конфигураций или вербально-этнографических «лекал», по Р. Харре, и в виде типовых моделей речевого и неречевого поведения, а *на глубинном уровне* – в виде структурированного в психике говорящего субъекта функционально - семантического представления (ФСП) знаний об опыте (опытных образцах) реализации этих форм речевого и неречевого поведения в соответствующих (складывающихся, сложившихся и повторяющихся) ситуациях реального мира.

Как единица речевого и неречевого (в целом человеческого) поведения *регулятив* представляет собой своеобразный *шифр* жизнедеятельности говорящего субъекта, дающий *ключ* к пониманию сути проявлений как общественной (политика, культура, трудовые и экономические отношения, управление и т.п.), так и психической организаций. При этом психическая составляющая регулятивного действия как единицы конкретной реализации типового регулятива предполагает внутреннее проявление соответствующей информации, приносящей определенные внешние результаты, в то время как языковая составляющая выступает в качестве маркировки целевых (речевых и неречевых) регулятивных действий участников коммуникативного взаимодействия.

Если сравнить истоки биологического направления меметической теории с истоками регулятивного (лингвистического) подхода к эффективному согласованному взаимодействию участников диалогической коммуникации, а также принять во внимание роль *мемов* и *регулятивов* в успешном (результативном)

распространении информации в коммуникативно-медийном пространстве, то нетрудно заметить, что концепция регулятивности диалогического общения в рамках направления «лингвистической, регулятивной меметичности» опирается, главным образом, на фактор взаимного учета коммуникантами функционально-семантических свойств *«регулятива»* как диалогического «каузатора-репликатора» подобных себе образов действий. Идея подобных себе образов действий, опирается на идею В. фон Гумбольдта о «процессе понимания участниками общения друг друга», в котором они достигают понимания и взаимодействия не потому, что «взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия», а потому, что они *«взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено чувственных представлений и початков внутренних понятий»* (т.е. «понятий» не в смысле *conceptus*, а концептов в смысле *conceptum* как «зародыш, зернышко», из которого произрастают все содержательные формы его воплощения – А.Р., Л.Р.), *прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы.*

Выделив общность перечисленных выше подходов к определению функциональной роли репликационных единиц в виде «мема» и «регулятива» в коммуникативно-информационных процессах, важно обобщить и зафиксировать то общее и отличительное в подходах к феномену меметичности вообще и специфике медиальной меметичности (меметической информации) в частности, чтобы ещё рельефнее очертить функциональное поле и принципы механизма конструирования медиа-смыслов с использованием выделенных репликационных единиц.

Обнаруживается, что отмеченные у *мема* свойства (информационность, реплицированность, каузативность возникновения копий, каузативность изменения внутреннего содержания и отношений между участниками коммуникативного процесса, «материальная» основа культуры и человеческого сознания), являются близкими и типичными в функционально-содержательном плане и для понятие «диалогического регулятива». При этом *«диалогический регулятив»* обладает рядом отличительных свойств, а именно:

- *регулятив* есть теоретическая основа для *а)* формирования образной общности семиотического конструкта в виде типового функционально-семантического представления (ФСП) и *б)* понимания механизма их вербального распространения на основе иллюкативного потенциала набора («архива», «системы-дискурса») вербальных каузаций, отражающего идеи, взгляды, верования и эмоции, которые могут быть снабжены дополнительными значениями и которые готовы к активному (само-) распространению в социальной среде;

- в функционально-информационном плане *регулятив* опирается не на биологическую (генетическую) природу, а на коммуникативную основу согласованного (т.е. не противоречивого), синергийного взаимодействия участников диалогической дискурсии;

- сценарно реплицируясь в информационном пространстве, *регулятив* участвует в построении новой коммуникативно-информационной – *регулятивной* – реальности участников общения с учётом той или иной разновидности –

«анозэтического vs незнающего», «ноэтического vs знающего» и «автоноэтического vs знающего о себе» – сознания [ср.: Бескова и др. 2010];

– *регулятив* есть своеобразный *шифр* жизнедеятельности говорящего субъекта, дающий *ключ* к пониманию сути проявлений как общественной так и психической организаций и учитывающий условия и специфику создания механизма «своего / личного понимания социального опыта»;

– *регулятив* – это внутренняя «программная база» («программное обеспечение разума») говорящего субъекта в коммуникативно-информационном обмене, отражающая результаты речевого поведения всех участников коммуникативно-интерактивного процесса и способ репрезентации их влияния (воздействия) друг на друга;

– функциональная эффективность и результативность *регулятивов* обусловливается стратегическими и тактическими задачами выбора участниками коммуникативно-информационного обмена конкретной типовой разновидности регулятивов и метарегулятивов;

– учет и знание функциональной специфики *регулятивов* в актах коммуникативно-социальной интеракции открывает широкие возможности для понимания многих процессов и проблем как при планировании речевого воздействия вообще и предотвращении нарушения нормативных норм и правил (любого порядка) речевого (и не только) поведения, так и в сфере глобального управления человеческими ресурсами, начиная от информационного воздействия отдельных сетевых центров до развертывания массивированного концентрированного влияния как комплексной формы воздействия на народ и государство в целом;

– вся совокупность диалогических *регулятивов* подразделяется на три основных группы: *а) категориальные (или программные) регулятивы, б) стратегические регулятивы и в) ассоциативные регулятивы.*

Таким образом, становится очевидным, что в регулятивно-миметических процессах эффективного распространения «каузативно-репликативных идей», подобных себе по образу действия, устанавливается связь между коммуникативным миром и другим миром, смоделированным при помощи медийных практик миром-подобием, воспринимаемым массовым потребителем в качестве реального мира его бытия и существования. Часто такая связь основана на подобии, например, на подобии причины (каузальности), на подобии (примере, образце) действующего лица или социальной ситуации. Однако не подобие играет в данном процессе основную роль, а создание новой ситуации связи с другим миром, создание новой связи, но уже в пределах новой коммуникативной реальности [19]. И даже если коммуникативно-социальное медийное действие как естественно-языковая практика связано с предыдущим действием (действиями) и проводится по подобию (образцу) с ним, то и тогда у адресата как человека говорящего (говорящего индивида) возникает мотивированное образцом (подобием) желание сделать нечто подобное, такое же, как социально значимое (действующие) действие- поведение, чтобы тем самым уподобиться им и не выходить за пределы какого-то отдельного очерченного регулятивно-миметическим пространством «сценария жизни».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккер К. Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль. – Vienna: Selene, 2002. – 61 с.
2. Менегетти А. Онтология и меметика. Пер. с итал. Е. Ус. Под общ. ред. П. Бернабей. – М.: Психологическое издательство, 2002. – 149 с.
3. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Пер. с англ. Д. Борисов. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 392 с.
4. Романов А.А. О формальном представлении смысловой организации текста // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. Сб. научн. трудов / Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович, Ю.В. Ванников. – М.: ИЯ АН СССР, 1984. – С. 102 – 111.
5. Романов А.А. Регулятивность прагматических транспозиций в тексте // Грамматические и семантические исследования языков различных систем. Сб. научн. трудов / Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1986. – С. 113 – 126.
6. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР; Тверской СХИ, 1988. – 183 с.
7. Романов А.А. Регулятив как комплексная единица диалогического общения: к 20-летию авторской школы динамической (регулятивной) модели диалога // Повышение качества подготовки специалистов для АПК региона. Мат. 18-й юбилейной научно-методической конф. – Тверь: ТГСХА, 2002. – С. 133–137. Репринт в: Романов А.А. Лингвистическая мозаика. Избранное. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2006. – С. 188 – 192.
8. Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. – М.- Тверь: Ин-т языкознания РАН, Тверская ГСХА, 2002а. – 191 с.
9. Романов А.А. Языковой портрет политика в суггестивной парадигме // ARS LINGUISTICA. К 75-летию профессора И.П. Сусова. Межвузовский сб. научных трудов / Отв. ред. проф. А.А. Романов. – М.–Тверь: Ин-т языкознания РАН, ТИЭМ, 2002б. – С. 23 – 30.
10. Романов А.А. Суггестивная модель речевого общения: Манипуляция или игра со смыслами? // Homo mendax / Человек лживый. Межвуз. сб. научн. трудов. Отв. ред. проф. А.А. Романов. – М.– Тверь: Ин-т языкознания РАН, ТГСХА, 2004. – С. 3 – 26.
11. Романов А.А. Мемезис перформативного знания о функционировании естественно-языковых практик // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2011, № 2 (23). – С. 66 – 71. – Режим доступа: tverlingua.ru
12. Романов А.А. Спин-докторинговая реализация ментальных репрезентаций в Интернет-коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда – Language, Communication and Social Environment. Ежегодное научное издание. – Вып. 13. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015. – С. 87–116.
13. Романов А.А., Морозова О.Н., Носкова С.Э. Quo vadis, Deutsch? Разговор с изучающим современный немецкий язык. – Тверь: Агросфера, 2007. – 222 с.
14. Романов А.А., Романова Л.А. Резонансная информация в актах политической коммуникации // Проблемы имиджологии. Мат. 2-й междунар. конф. «Проблемы имиджологии-2», г. Кривой Рог, Украина. – Киев: Изд-во Европейского ун-та финансов, информационных систем, менеджмента и бизнеса, 2001. – С. 143 – 148.
15. Романов А.А., Романова Л.А. Специфика воздействия резонансной информации в актах политической коммуникации // Политический дискурс в России – 5. Мат. постоянно действующего семинара. 22 апреля 2001 г. – М.: ИЯ РАН, Российский новый ун-т, 2001а. – С. 72 – 74.
16. Романов А.А., Романова Л.А. Меметический механизм конструирования медиасмыслов информационного противостояния // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015, № 3. – С. 1 – 16. – Режим доступа: tverlingua.ru

17. Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Роль меметической информации в формировании «обманных» медиа-смыслов // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015, № 4. – С. 5 – 13. – Режим доступа: tverlingua.ru
18. Романов А.А., Ульянич Г.А. Мелодийный дискурс как информационный медиум в системе публичных коммуникаций. – Москва-Тверь: ИЯ РАН, ТИПЛ и МК, 2014. – 163 с.
19. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. – М.–Тверь: ИЯз РАН; Тверская ГСХА, 2009. – 180 с.
20. Шаров К.С. На тёмной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // Вопросы философии. – 2010, № 3. – С. 30– 43.
21. Brodie R. Virus of the Mind: The New Science of the Meme. – Seattle: Integral Press, 1996. – 192 p.
22. Dawkins R. The Selfish Gene. – Oxford: University Press, 1976 (Revised Edition 1989). – 352 p.
23. Dennett D. Kinds of Minds: Towards an Understanding of Consciousness. – New York: Weidenfeld & Nicolson, 1996. – 288 p.
24. Fiske J. Television and Postmodernism // Curran J., Gurevitch M. (eds.) Mass Media and Society. – London: Edward Arnold, 1991. – P. 55 – 67.
25. Gebauer G., Wulf Ch. Mimetische Weltzugänge. – Stuttgart: Kohlhammer, 2003. – 153 S.
26. Kujawa J. Die Idee des Mems in dem politischen Diskurs // GLOBE. East-West European Forum on Discourse: Past, present and future of discourse studies. Warsaw, 14-16 May, 2015. Book of Abstracts. Ed. by K. Broś & G. Kowalski. – Warsaw: University of Warsaw, 2015. – P. 78.
27. Romanov A.A., Malysheva E.V. Frame organization of kinesthetic interaction in dialogue // Massachusetts Review of Science and Technologies. – 2015, № 2 (12), (July – December), Vol. VI. “MIT Press”. – P. 431 – 436.
28. Romanov A.A., Novoselova O.V. Construct of threat discourse in Russian politics // GLOBE. East-West European Forum on Discourse: Past, present and future of discourse studies. Warsaw, 14-16 May, 2015. Book of Abstracts. Ed. by K. Broś & G. Kowalski. – Warsaw: University of Warsaw, 2015. – P. 53.
29. Romanov A.A., Romanova L.A., Novoselova O.V. Communicative Construct of the Composite Threat-performatives // Procedia: Social and behavioral Sciences, 206 (2015). – P. 71 – 75.
30. Romanov A.A., Romanova L.A. Mimesis and performative knowledge of use social practices in the communicative space homo loquens // Interdisciplinary Researches in The 21-st Century: Creation and Creativity in a modern European education. Conference Proceedings. – Oradea: EdituraI universităţii Emmanuel in Oradea (Romania), 2012. – P. 322 – 325.